

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 43

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

ности, исполнить которые практически невозможно. Положение истца требует его активной позиции по определению ответчика, сбору и представлению доказательств факта вреда, вины причинителя вреда. В то же время орган государства, защищенный властными полномочиями как иммунитетом, фактически получает преобладающее положение по отношению к гражданину. Если в заявительном производстве в силу особенностей дел из публичных отношений применяются специальные процессуальные средства, восполняющие «слабость» потерпевшего от власти¹, то исковое производство не обеспечивает достижения конституционных целей защиты человека в публичных отношениях.

Положение ст. 53 Конституции РФ выросло из потребностей политической жизни, обусловивших публично-правовое значение возмещения вреда, причиненного государством. Однако приходится отметить, что полной юридической разработки и надлежащего научного осмысления эти отношения не достигли.

Необходимо принять во внимание недопустимость бесосновательного распространения смысла термина «вред», установленного законодателем для отрасли гражданского права, в сферу иных отношений, связанных с имущественным выражением. На наш взгляд, имеется законодательная предпосылка для преодоления цивилистической монополии и формирования надлежащей практики, ориентированной на публично-правовой порядок, если использовать содержательный потенциал п. 3 ст. 2 ГК РФ. Перечень имущественных отношений, исключенных из сферы действия гражданского законодательства по основаниям их публичного значения, не является закрытым. Расширение области публично-правового регулирования призвано утвердить конституционный порядок в отношениях между гражданином и обществом, с одной стороны, и государством – с другой.

ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Л.С. Шейфер

Понятие доказательств известно науке логики. Там оно обозначает процесс рассуждений, оперирование аргументами, в результате которого устанавливаются, доказываются какие-то положения. В теории доказательств это понятие имеет другой смысл. Оно обозначает не процесс

¹ Так, ст. 249 ГПК РФ возлагает на орган власти обязанности по доказыванию законности оспариваемых действий (бездействия).

установления факта (для этого используется понятие доказывания), а аргумент, который кладется в основу вывода. Поскольку при осуществлении деятельности по доказыванию оперируют именно доказательствами, то рассмотрение вопроса о понятии и сущности доказательств представляется весьма важным.

УПК РФ (ст. 74), ГПК РФ (ст. 55), АПК РФ (ст. 64) и КоАП РФ (ст. 26.2) формулируют и закрепляют весьма сходные понятия доказательства. «Доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

В процессуальной науке наиболее противоречиво решается вопрос о том, что такое фактические данные. Некоторые ученые, в частности Е.В. Додин, отождествляют это понятие с достоверными фактами, а точнее, с явлениями объективной действительности. С этой трактовкой понятия доказательства согласиться трудно, так как, во-первых, она противоречит теории отражения, различающей отражаемое (явление действительности) и отражение (информацию о явлениях действительности). С позиции теории отражения доказательства это не сами явления действительности (они не наблюдаемы, поскольку остались в прошлом), а отражение этих явлений в сознании познающего субъекта. Во-вторых, при таком подходе происходит смешение предмета доказывания (который образован фактами объективной действительности) с доказательством. В-третьих, признавая доказательствами только достоверные данные, ученые исключают доказательства из всего процесса доказывания, так как «достоверность доказательств» может быть установлена только на завершающем этапе доказывания. В-четвертых, при таком подходе содержание доказательств (фактические данные) отрывается от источников (показаний свидетелей, объяснений лица, в отношении которого ведется производство, и т. д.). Последние будто бы и не считаются доказательствами, с чем невозможно согласиться.

Иная точка зрения на природу доказательств состоит в том, что это понятие охватывает те факты, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие административного правонарушения, виновность лица в его совершении (или преступления в уголовном процессе; или обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон в гражданском процессе). Так, по делу о мелком хищении такими фактами могут быть недостача ценностей, изъятие вещей у лица, в отношении

которого ведется производство по делу, и т. д. Кроме того, в понятие доказательства включаются также предусмотренные законом источники, из которых суд, орган, должностное лицо получают сведения об имеющих значение для дела фактах. Факт изъятия, например, устанавливается протоколом изъятия вещей, факт недостачи – показаниями свидетелей. Авторы этой точки зрения известные процессуалисты, специалисты в области уголовного и гражданского процессов, в частности М.С. Строгович, А.А. Мельников, К.С. Юдельсон. При таком подходе правильно то, что «источники» включаются в содержание доказательств, поскольку именно в них содержатся фактические данные, при этом источники неотделимы от тех фактов, которые ими устанавливаются. Однако полностью согласиться с такой трактовкой понятия доказательства трудно, ведь употребляя термин «факт», авторы не подчеркивают его отличие от явлений объективной действительности, как и при первом подходе.

В последние годы все более широкое признание получает взгляд, согласно которому фактические данные – это не явления объективной действительности, а сведения о них, полученные с помощью определенных средств доказывания. Это мнение высказано, например, Н.Г. Салищевой и др. Такой взгляд представляется наиболее правильным, ибо он в полной мере согласуется с теорией отражения, разграничивающей отражаемое (явление объективной действительности) и отражение («отпечатки» реальных явлений в сознании, информацию о явлениях).

Весьма важным представляется определить соотношения ч. 1 и ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ. Часть 2 указанной статьи гласит: эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными КоАП РФ, объяснениями лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключением эксперта, иными документами, а также показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами. Представляется бесспорным неотделимость источников фактических данных (ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ) от понятия доказательств. Таким образом, соотношение ч. 1 и ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ следует рассматривать как соотношение содержания и формы. Фактические данные – содержание доказательства. Показания, заключение эксперта и т. д. – это форма доказательства. Форма неотделима от содержания, и наоборот.

Отсюда переходим к определению доказательства, в котором попытаемся связать это понятие с предметом доказывания и формой доказательств. Доказательством по административному делу являются облеченные в особую процессуальную форму сведения о явлениях объек-

тивной действительности, с помощью которых в определенном законом порядке суд, орган, должностное лицо устанавливает наличие или отсутствие административного правонарушения, виновность лица в его совершении и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

ПРЕДЕЛЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ю.А. Горбуль

Одним из ключевых моментов, определяющих специфичность муниципального правового регулирования, безусловно, выступает его предмет. Характеристика предмета муниципального правового регулирования может быть существенно дополнена, если обратиться к такой категории, как пределы правового регулирования.

Прежде всего, пределы муниципального правового регулирования заложены в самом его предмете. Это связано с тем, что основной массив муниципальных отношений очерчен границами муниципального образования, решением вопросов местного значения на своей территории. В этой связи, на наш взгляд, фактором, определяющим пределы муниципального правового регулирования, выступает его функциональное назначение.

Исходя из этого в Федеральном законе № 131-ФЗ от 6.10.2003 г. (ред. от 10.06.2008 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления» в качестве вопросов местного значения определены «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования»¹. Следовательно, пределы муниципального правового регулирования распространяются на те отношения, которые связаны с таким непосредственным жизнеобеспечением. Понятие «жизнеобеспечение» может быть истолковано в самом широком смысле. Однако в контексте муниципального правового регулирования речь идет прежде всего о непосредственном жизнеобеспечении. Непосредственное – значит прямое, без посредников, ближайшее и т. д. Вопросы непосредственного жизнеобеспечения, как правило, связаны с оказанием или организацией оказания социальных услуг данному гражданину или группе граждан, проживающим в соответствующем муниципальном образовании. Результаты решений, связанных с оказанием услуг, ограничиваются, как правило, территорией муниципалитета, на-

¹ Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2008. № 24. Ст. 2790.